

Анатолий Кирилин

НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР

**Это, скорее, конец повествования, а не начало, эпилог на месте пролога.
Так бывает?.. Не знаю, может быть, знаете вы...**

«Я так и не получил от тебя письма. Не понимаю – почему?»

«Даже не знаю, в чём дело... Почему-то наши почты несовместимы. Может, это знак? Я отправляла несколько писем. В одном из них было то, что я бы хотела, чтобы вы услышали. Сейчас вот снова пишу и думаю, дойдёт ли...»

Читаю стихи Верстакова, – мы с вами говорили о нём, – и они меня в большинстве своём не впечатляют. И всё-таки... Прочитайте вот это, в нём почти всё то, что я хотела сказать в одном из не дошедших до вас писем:

«Был дождь со снегом в праздник Покрова. Листва была сыра, а крыши белы. Мы говорили глупые слова и в лужи попадали то и дело.

Она умна, красива, молода – зачем я ей... Да и она мне тоже... Пройдёт октябрь, наступят холода. Ну а пока – гуляем иногда, снег на ресницах, на щеках вода, – на дождевую, впрочем, не похожа».

«Теперь ты не отвечаешь на мои звонки. Неужели всё действительно так страшно?.. Жаль. Я думал, высокий промысел на моей стороне».

«Всё не так страшно, но... Я должна кое-что сказать вам. Простите, что не сказала раньше. Я действительно сожалею об этом... Но... мы не можем быть вместе. Может быть, когда-нибудь я расскажу, в чём дело. Это не означает, что я не могу говорить с вами, писать вам, но ведь это так мало... А я... Я не смогу дать вам то, чего вам, наверное, хочется и чего вы достойны. А если смогу, то это меня разрушит.

Простите и поймите меня».

Вот и вся наша история в письмах. Да, пожалуй, вместе с этим и конец всей истории вообще. Я, правда, ответил ей что-то вроде «такова жизнь», – и здесь трудно что-либо добавить. Сожалеть? Конечно, можно! Но жизнь проистекала по своим законам задолго до наших встреч, дальше она будет двигаться тем же порядком. И вот ещё что... Громкие выводы, определения, заявления со временем теряют не только свою силу, но и вообще самый смысл. Они чаще всего меняются на собственную противоположность. Но проверить справедливость этого может только время. На него и полагаемся.

**Один освободил свою измученную душу,
другой упражняется в познании родного языка**

В общем, я не удержался, чтобы не высказать обиду, тем самым поставив себя в положение побеждённого. Да какого чёрта! Положение... приложение...

изложение... Мне сейчас слова надоедают ещё до того, как они произнесены. Мне они действуют на нервы. Какой-то идиот придумал их, с тех пор нет больше ничего, только они. «В начале было...» Ха-ха! Это так, всего лишь фраза, привычное звучание. Оно, это слово, в середине. И в конце. Сумеете – проверьте!

Один мой знакомый принял смерть, сидя в кругу семьи, в полном сознании. Неожиданно для всех потребовал бумагу и карандаш. Написал ровным почерком: «Всё! Мне конец!» – и умер. Я бы отнёсся к этому жесту с пониманием, если б он говорить не мог, если б ему вдруг захотелось запечатлеть на бумаге свою последнюю волю, начертать что-то сокровенное, греховное или стыдное. А вот так... Смерть неповторима в каждом отдельном случае, надо ли её украшать? Впрочем, о каких это украшениях идёт речь? Всё те же слова! Разница – на бумаге. А на месте родственников я бы использовал эти слова в качестве надписи на надгробии. Представляю подобную эпитафию... Загадка! Прочёл прохожий – и задумался: казалось бы, здесь покоятся все, кто в разное время уже принял свой конец. Какой смысл возвещать миру без того очевидное? Или речь идёт о каком-то ином измерении конечности? Может, кончилась чья-то бессмертная душа – возможно ли такое вообще? Измыкалась, истощилась, отмаливая грехи того, в чьём теле была постояльцем...

Всё началось намного раньше. За её столом сидела другая; я был чуть моложе, до дня нашего знакомства думая, что свобода – это самое главное в жизни. Мне казалось, будто она, та, другая, думала так же.

Более дурацкую контору, чем наша, наверно, найти было трудно.

Я сижу за своим столом, изучаю сообщения в Интернете и в печатных изданиях, где упоминается наша продукция или фирма. Она за столом напротив занимается тем же самым. Начальница отдела, удивительно красивая стерва, сводит наши отчёты и отправляет в другой отдел. Сводит и сводит, – я об этом не слишком задумывался. Наивный дурак! Она всё объяснила мне, когда я показал число на моей зарплатной квитанции: «-16».

– У тебя именно на столько сообщений меньше, чем у меня.

– Значит, выходит, мы контролируем друг друга? – уточнил я.

– Вроде того.

Разговор этот состоялся давно, когда мы ещё не были вместе, да и вообще имели друг о друге отдалённое представление. Но с тех пор у меня ни разу не было числа с плюсом. Может, и раньше тоже не было, откуда мне знать. Квитанции стали выдавать на руки не так давно.

Она, сколько ни просил, никогда не показывала мне свои цифры. Скорее всего, щадила, поскольку у неё наверняка начисления были выше.

Я определил начальницу стервой ещё до того, как узнал про свои минусы, после лишь утвердив это звание. В толковом словаре мне не очень понравилось значение звучного и многозначительного слова – падаль, мертвечина, дохлятина. Я решил, что в словарях напутали. И ещё больше уверился в этом, когда прочитал в каком-то романе, как русский эмигрант объяснял своему немецкому другу, что стерва – это чисто русская характеристика женщины, её не перевести, не объяснить.

Начальница сидела в одной комнате с нами, но была далека, как крайний флажок на карте продвижения нашей продукции. Вон там она, где-то на Курильских островах.

– Как думаешь, кто такая стерва? – спросил я однажды у неё.

– Думаю, женщина, которая умеет обращаться с мужчинами. Они и придумали это слово, вкладывая в него самый различный смысл. В отместку.

Ещё в те времена, когда она не была моей, я заметил эту её особенность отвечать. Да и вообще разговаривать. Говорит, говорит... – и вдруг закончит фразу одним словом. Иной раз и мысль оборвёт, ей это ничего не стоило.

Сейчас я с трудом вспоминаю её лицо, даже не верится – как это я мог забыть... Иногда мне кажется, что она была точь-в-точь похожа на нашу начальницу, те же длинные и пепельные – у моей чуть темнее – волосы (наращенные, – сказала мне она, а у меня фантазии не хватало представить, как это – приклеить волосы к волосам), тот же немного удлинённый породистый нос с горбинкой, чуть раскосые лазуритовые глаза с пиритовыми искрами, чувственные губы, застывшие в полуулыбке. А главная примета в замечательном лице нашей начальницы – широко расставленные скулы, что делает её похожей на монгольскую княжну из далёких веков.

Да нет же, моя – она совсем другая: и волосы темнее, и скулы – хотя и выдаются, но не так сильно. И глаза – серые, с запрятым в глубине светом, как прозрачный обсидиан. И губы... Никакой заранее придуманной улыбки, они у неё чуть приоткрыты и расслаблены, будто всегда готовы к поцелую.

– А если я тебя соблазню? – спросил я однажды. Просто так спросил, от нечего делать.

– А если я?..

Об умении внезапно исчезать, ненаписанном романе и тяге к здоровому образу жизни

...Встала и ушла. И больше в этот день не возвращалась. И начальница, вернувшись из главной конторы, ни слова не сказала по поводу её отсутствия. Будто бы её и не было никогда, и стол напротив меня пустовал изо дня в день. Лишь некоторое время спустя я задумался об этой её способности исчезать, словно растворяясь в небытии.

Все-таки её работа отличалась от моей. Хотя бы тем, что она часто ездила в командировки. В Москву, например, или в Питер. Что она там делала – неизвестно. Раз спросил – ответа не получил. Зато она присылала мне по электронной почте письма... скорее – записочки.

«В Москве с утра такой плотный туман, что солнце похоже на подозрную трубу бога. Он наблюдает за нами, а мы этого не замечаем... Бабушка всегда говорила, что он сидит наверху и всё видит... Вспомнила, как несколько лет назад написала стихи про возраст. А ещё – про дерево, которое никак не хотело желтеть. Тогда я была немножко влюблена, и получился ещё один небольшой стишок, просто как ассоциация с весенним перелётом птиц. Это так красиво... и чем-то напоминает любовь. А вообще... интересно наблюдать за тем,

что происходит вокруг. К примеру, ехала вчера в метро, по воздушке между Киевской и Смоленской, и увидела, как утомлённое жарой солнце медленно сползало в Москву-реку. Красота – обалдеть!..»

– Ты не поэтка? – спрашивал я её, специально избегая слов «поэт» и «поэтесса».

– Нет, – отвечала она серьёзно, – я пишу роман.

Я рассказал ей историю о своём давнем знакомом, творческом человеке, работавшем в толстом журнале, а потом – в издательстве. Дома у него постоянно толклись писатели, художники, критики, все ценили его мнение по любому обсуждаемому предмету искусства, но больше всего он разбирался в литературе. Вёл он затворнический образ жизни. Принимая гостей у себя, сам никуда не ходил. И все думали, что однажды из-под его пера выйдет нечто значительное. Роман-эпопея, к примеру. Даже его жена нисколько в этом не сомневалась. Чем ещё мог заниматься знаток слова, закрывшись у себя в кабинете, не гася свет до пяти утра... И вот однажды человек умер. Вдова перевернула все его бумаги, которых, кстати, оказалось совсем немного, и ничего толкового не нашла, так, почеркушки ни о чём, заготовки редакционных отзывов и несколько рецептов, как солить капусту. Не было намёка ни на роман, ни даже на повесть или рассказ. Не было ничего. Вдове выпало на всю оставшуюся жизнь гадать, что же происходило в часы ночных бдений в кабинете у мужа, а писатели, вечные завистники, тихо похихикивали, вспоминая своего товарища...

Однажды к концу рабочего дня мой старый приятель прислал за мной машину. На тот день у него была баня. Так он называл оздоровительный центр с тренажёрным залом, боксёрским рингом, сауной и массажным кабинетом. Там был даже бар с несколькими столиками. В предыдущей жизни мой друг служил в милиции, потому знал, как обходить запреты, ограничения и прочие помехи подобному бизнесу.

– Могу подвезти до центра, хочешь? – предложил я ей.

Она молча закрыла программу на компьютере и пошла за мной.

– Может, пойдём оздоравливаться вместе? – спросил я, когда машина остановилась.

Вряд ли она поняла, о чём шла речь, но всё так же молча ступила на асфальт и отправилась за мной следом.

Оставив её за спиной, я заглянул в кабинет приятеля.

– А, привет! – бросил он, едва глянув в мою сторону. – Отдыхай. Позже должны подвезти классных...

Тут он осёкся. Я всегда удивлялся его необыкновенному чутью. На мой вопрос, не специально ли их, ментов, этому обучают, он как-то ответил, что этому никого и нигде не научат. Таких на пару сотен – один, и все они нынче ушли со службы. Лучше, по его словам, босоножками на рынке торговать. Как бы там ни было, он поднялся со своего места и распахнул дверь:

– Прошу, – указав на мягкое кресло у противоположной стены. – Владимир.

Она тоже назвала себя, и они начали болтать с непринуждённостью старых знакомых – о рабочих местах на рынке труда, о ценах, о челночниках и частных извозчиках... Когда они дошли до книг, я не выдержал:

– Не мешаю?!

– Не-а, – последовал простодушный ответ. – А ты, если хочешь, можешь пойти в зал, мышцы память.

– Мы вообще-то собирались в сауну, – сказал я, как о давно решённом.

Она удивлённо вскинула глаза, но промолчала.

– В сауну так в сауну. – Моего друга ничем не прошибёшь. – Где полотенца, простыни, шлёпанцы – знаешь. Печка нагрета, вода в бассейне свежая. Отдыхайте!

И уткнулся в бумаги, водрузив на нос очки.

Мы обернулись простынями, каждый в своей раздевалке, – я от пояса, она от подмышек. Я всё ждал, что она заговорит, но она молчала. Так же молча мы зашли в парилку и взобрались на полку.

Разница температур при сложении даёт необыкновенный результат

– Ноги надо поставить выше, чтобы тепло одинаково грело все тело.

Других познаний в банном деле у меня не обнаружилось, и мы опять погрузились в молчание.

– Жарко! – вымолвила она наконец.

– Если хорошо прогрелась, можно в бассейн.

Бассейном назывался лягушатник размером четыре на три метра, зато вода в нём всегда была проточная – чистая и холодная.

– Не в простынях же туда залезать... – высказал я сомнение. – Могу окутаться лицом к стене, а ты – к другой.

Она опять ничего не сказала, лишь тронула свою простыню и... Я был уверен, что сейчас она резко пригнётся, прикрывая себя руками, плюхнет в воду или отвернётся... Ничего подобного: она стояла передо мной открытая и безумно красивая – трепетная, прохладная и жаркая одновременно. Бог свидетель, я повидал обнажённых женщин, но сейчас передо мной открылось нечто особенное. Почти мальчишеская фигура, плоский живот, маленькие груди, волосы, рассыпанные по плечам, тёмный треугольник внизу живота – вроде ничего необычного, но была какая-то сумасшедшая сила, внезапно потянувшая к ней. Я же растерялся, сорвал с себя простыню и с пронзительным криком бултыхнулся в ледяную воду. Она прыгнула следом, но тут же, охнув, стала выбираться обратно. Вода оказалась чересчур холодной.

Потом мы грелись в сауне, уже без простыней, не стесняясь друг друга. Потом мы устроились на диванчике в комнате отдыха, и я протянул руку к её груди:

– Можно?..

Она смотрела на меня, и из глубины её обсидиановых глаз лилась загадочная, завораживающая темнота...

Мне хватило лёгкого прикосновения к упругой груди, чтобы закружилась голова и возникло ощущение, выплывшее издалека, словно от первой близости с женщиной. «Да что же это со мной такое!» – думал я, нежно обнимая её, зарываясь лицом в тёмные волосы, которые никогда и ни у кого так не пахли.

Мы долго ласкали друг друга, едва соприкасаясь телами, а потом... как-то незаметно, естественно и легко мы соединились, – точно дети, заигравшиеся в песочнице и забывшие, что пирожные и пирожки из формочек ненастоящие. Впрочем, сравнение это здесь неуместно, всё было на удивление настоящим. А мне вообще ничего путного в голову тогда не приходило. И это было так похоже на счастье – болтать глупости, хохотать над ними, снова и снова любить друг друга.

Лишь некоторое время спустя я подумал, что нас никто ни разу не побеспокоил, – очевидно, мой деликатный приятель перекрыл все подходы к сауне и бассейну. И сам понёс немалый урон, судя по недоговорённой фразе о «классных девушках»...

Так у нас всё и началось – неожиданно и просто.

Я снимал комнату в бывшем общежитии, где из прошлого осталась только коридорная система. Кто-то из жильцов сумел приватизировать несколько комнат, превратив их в квартиру со всеми удобствами. У меня тоже были все удобства, только располагались они на чересчур малой территории, для жилой комнаты осталось всего двенадцать квадратных метров.

Излюбленным местом она сразу же избрала подоконник – в кирпичных домах они были широченными. Она могла часами сидеть и смотреть на улицу, где, честное слово, никогда ничего не происходило. Окно выходило во двор, сплошь засаженный тополями, их кроны закрывали всё обозримое пространство. В эти минуты её здесь как бы и не было, и мне казалось, что она в моей комнате не насовсем, не всерьёз. Я тогда и не задумывался: а надо ли – насовсем?.. И вспомнил стишок для неё, автора только никак не мог припомнить.

Тень метнулась у окошка,

И взмахнули два крыла.

То ли птица, то ли кошка,

То ли женщина была?..

Но всё это случилось немного позднее – моя съёмная малосемейка, сумка с её вещами, окно с видом в никуда...

После той нашей бани она не пошла на работу, а я сидел, опасаясь смотреть на начальницу, и ждал, что та вот-вот заговорит о ней.

**«Резеда» – духи из прошлого столетия.
А ещё были «Серебристый ландыш» и «Сирень»**

Ничего подобного не произошло, но когда я поднял глаза, то обнаружил в кресле начальницы её. Мне показалось, что я схожу с ума, потому что этого попросту не могло быть, никто из кабинета не выходил, никто новый не появлялся. Но сомнений не было: хотя и похожи чем-то – не перепутать. Да и вообще...

Теперь я смотрел во все глаза, не отрываясь, боясь пропустить мгновение, когда произойдёт... А что должно было произойти? Я ни о чём не догадывался, представить себе не мог ничего такого. И ведь произошло. Это было... как в слайд-шоу, когда меняется не вся картинка, а постепенно замещаются детали – волосы, лицо, глаза, одежда... У меня появилось ощущение, которое я

испытал, когда в детстве читал Конан Дойла. Помните, в одной из новелл человека-невидимку избили до смерти, и все невидимые его части тела начали поочередно проявляться... И теперь передо мной та, кто и сидел тут всё это время. Просто я задремал. Со мной это уже случалось: пялюсь, пялюсь в монитор – и закемарил. Большой у меня монитор, двадцать два дюйма, за ним легко спрятаться...

Вечером мы отправились гулять. А дело было, как сейчас помню, в конце июля... или, может, в самом начале августа. Городок наш – обыкновенная провинция в глубине Западно-Сибирской низменности. Но вот правители, все, сколько помню, отличались особенным пристрастием (может, это по наследству передаётся, вместе с должностью?) к весёленьким краскам. Дома на центральных улицах выкрашены в розовые, голубые, светло-зелёные тона, оранжевые, – просто майский праздник колеров. А ещё – цветы, множество цветов, посаженных в клумбы самых замысловатых форм.

Несколько раз мы обошли клумбу в виде огромной запятой с красными революционными цветами, посаженными здесь по старой памяти – площадь Революции, так называется это место. Клумбу опоясывало неширокое кольцо мелколистных белых цветочков – резеда. Не люблю сильных запахов, но этот всегда волнует меня, напоминая, что лето в разгаре, что ещё не съездил в горы, не ходил на рыбалку. Когда думаю об этом, предупреждаю себя: скоро кончатся тёплые деньки, ничего не успеешь!

– Пахнет, – сказала она, и было непонятно, нравится ей это или нет.

– Слушай, – решился я на вопрос, – а если б не было вчерашнего дня? То есть... вообще не было. Или случилось бы, но когда-нибудь потом-потом, много дней спустя...

– Я думаю о том же самом, только почему-то говорить об этом не хочется. Случилось... Только не спрашивай, пожалуйста, понравилось ли мне. Я потом тебе скажу, ладно?..

И опять этот взгляд – обжигающий, прозрачный.

– Хочешь, я подарю тебе камень обсидиан? Это вулканическое стекло, оно бывает самых разных оттенков – от желтовато-коричневого до дымчато-серого и совсем чёрного. Твои глаза напоминают его, они меняют оттенки в разное время дня и при разном настроении.

– Мне кажется, не стоит дарить человеку то, что напоминает ему его самого. Как старая фотокарточка – она всегда врёт... А ты про камни откуда знаешь?

Я пожал плечами: мало ли что мне известно, жизнь позади большая. И тут она заставила меня вздрогнуть.

– Жизнь позади большая, да?..

В ответ я сказал первое, что пришло в голову.

– Чтобы узнать камень, увидеть рисунок, надо его распилить, отшлифовать, отполировать...

– Отполировать... – задумчиво повторила она. – Видишь, ты и про камни знаешь, и, судя по всему, ещё много чего. Странно, что ты сидишь в нашей конторе, с этой работой любой школьник справился бы.

– А ты? – Я далеко не высокого мнения о своей работе, но за школьника стало немного обидно. – Меня, к примеру, карьера не интересует.

– А меня – вообще любая работа. У меня, как я считаю, нет амбиций, мне уже просто неохота ничего доказывать кому-то, я вполне самодостаточна... А ещё мне неинтересно взирать на чьи-то амбиции. Просто не вижу смысла в этом. Может, потому и случилось вчера... Ты был без стула, приросшего к заднице... Хотя... Вполне вероятно, я ошибаюсь.

Я слушал её, смотрел на неё и не чувствовал никакого сближения. А ведь я хотел этого. Я полночи провёл у окна, я думал о ней, я не хотел скорого расставания. Даже удивительно: подумаете – переспали...

– Ты ведь знаешь, что я почти вдвое старше тебя.

– Знаю, конечно. И что? Я же не собираюсь за тебя замуж...

Завтра она летит в Питер, а он приглашён на свидание с борщом и горилкой

– Не собираешься. Ну да, конечно...

«Сорок восемь и двадцать пять» – подсчитал я; в эти минуты мне казалось, что я больше всего на свете хочу, чтобы она была рядом. Это я-то, распутивший по белу свету всё, развеявший по ветру сущее и святое – лишь бы остаться одному, наслаждаться одиночеством. И вот – снова заводить отношения...

– Отношения, говоришь? – опять заставила она меня вздрогнуть. – Знаешь, я хочу, чтобы у меня были красивые отношения, а не как у всех. И если они не получаются таковыми, так пусть лучше вообще не будет отношений... Я, к сожалению, как чёрно-белое кино: либо всё, либо ничего. А всеми другими отношениями я сыта по горло. И даже больше. И повтора не переживу. Впрочем, даже попробовать не стану...

Вечер уже, но в это время года разницы дневных и вечерних температур почти нет. Разве что запах резеды становится ещё более насыщенным.

– Завтра лечу в Питер.

Вот так. Между прочим. И язык мой не поворачивается спросить – зачем.

– Зачем? – она расстегнула свою сумку и тут же закрыла вновь. – Понятия не имею.

Событие есть – и события нет. Во всяком случае, говорить не о чем.

– Хочешь, я пока поживу у тебя? – неожиданно предложила она.

– Пока?..

– Ну да, пока мы не надоедим друг другу.

– Нет, не хочу. Не хочу – чтобы пока.

Она рассмеялась, закрыв глаза. А мне так хотелось получить хотя бы один ответ на бесконечное множество вопросов. Завтра же спрошу у начальницы, решил я.

И спросил.

– Где она? – повторила мой вопрос светловолосая красавица, являвшая всем своим обликом женское совершенство, скользнув пренебрежительным взглядом по мне. – Понятия не имею.

«Стерва! Стерва! Стерва!» – рвалось из моей груди, но вместо этого я спросил как можно спокойнее:

– Вам муж не изменяет?

Последовала весьма странная реакция. Она вытянула перед собой тонкие пальцы с модно обработанными ногтями, внимательно посмотрела на них и сказала так же спокойно:

– Я вас не уволю, вы мне нравитесь. Разве что подкорректировать вас чуть-чуть. Но это – потом...

– Как бы там ни было, в ресторан я вас не приглашу, – совершенно обнаглел я.

– Ах, какой отгадчик! Именно это я только что собралась сделать – пригласить вас в ресторан. Для начала – пообедать.

– Для начала?

– Ну да, ужин у меня занят.

– И я, конечно же, подпрыгнул бы и побежал... до туалетной комнаты вас проводил, креслице придвинул, официанту щёлкнул бы пальцами...

– Вот как здорово! И учить ничему не надо! – Она потянулась, как кошка со сна. – Вперёд!

И я – боже правый, когда ты лишил меня разума! – пошёл вслед за ней. На полшага позади, – такое расстояние, решил я, говорит о том, что идём мы вместе, но близких отношений между нами нет.

– Вы что, молвы боитесь? – опять отгадала она мои мысли. – Я чувствую себя подконвойной.

А ведь хороша, чёрт возьми! Всё в этой синеглазой блондинке ладно – причёска (приклеенные волосы! – напомнил я себе), фигура без малейшего изъяна, костюм, крой которого можно отнести и к деловому стилю, и к фасону для прогулок. Даже длина юбки и высота каблучков сочетаются, я убеждён, благодаря тщательному подбору.

Станным образом мы оказались возле знакомой клумбы с резедой. Днём цветочный аромат не такой резкий, но всё-таки не заметить его нельзя. Кстати, мою начальницу зовут Марией. На работе Сергеевной, а здесь... Уж и не знаю.

– Как повелите обращаться к вам? – спросил я с издёвкой.

И только тут обратил внимание, что она стоит, прикрыв глаза, и ловит трепетными ноздрями запах резеды.

– Нулевой километр, – она кивнула на стоящий поодаль гранитный столб с этим самым обозначением. – Подойди, сделай шаг – и началась новая жизнь! Может, так и надо? Ведь всё очень просто. Даже отмерено за тебя...

В ресторанчике под названием «Печки-лавочки» нам принесли борщ в глиняных горшках, к нему – плоски со смальцем, горчицей, хреном и горячие булочки.

– Украинская кухня. Не хватает горилки, – заметил я.

– Но-но, мы на работе!

– Совсем забыл, вам же ещё надо дожить до ужина. А я, пожалуй, хлопну граммов сто.

В меню и вправду обнаружилась горилка, Бог знает, какого качества, но назывался напиток именно так.

Борщ оказался по-домашнему вкусным, я наслаждался едой, но это не ме-

шало мне мучиться вопросом: чего же хочет эта женщина? Вспомнил фильм с похожим названием, попытался оживить в памяти некоторые из своих многочисленных попыток ответить на этот вопрос... Увы, ничего путного в голову не пришло.

Следующим номером ресторанной программы была сковорода с шипящей бараниной (сорт мяса она согласовала со мной) на деревянной подставке.

– А называть вы меня можете... Марией Сергеевной, – вам же прекрасно известно моё имя.

Вот как... Мария Сергеевна. Даже вне работы.

– Думаю, это никак не повлияет на наши отношения. Хотя я прекрасно понимаю, что моложе вас. И прилично.

Мне захотелось надерзить ей.

– Во всяком случае, в дочери вы мне не годитесь.

– Да, здесь у неё изрядное преимущество!

Я сразу понял, что речь идёт о моей напарнице. Вот так! Получи!

С бараниной мне пришлось расправляться одному. Я ел и думал, что калорий теперь хватит на неделю, так сытно мне поесть редко удаётся. Я нахваливал блюдо и что-то говорил ей насчёт экономии места в её желудке для предстоящего ужина, который, судя по всему, обещает быть судьбоносным. Я так и сказал – судьбоносным. И ещё добавил, что, разумеется, он будет проходить не в этой забегаловке. Тут я перебрал, – ресторан, где мы сидели, называется простенько, но считается вполне приличным местом. И не дешёвым.

– Официант! – позвал я. – Ещё двести горилочки! Дюже гарна самогонка!

В сорок восемь забывают про любовь.

В сорок восемь влюбляются, как в двадцать

Странное дело, почему-то в этот момент я абсолютно выпустил из головы мысль о состоянии моего кошелька.

Она потягивала брусничный морс, фирменный напиток заведения, и смотрела на меня. И не было в этих лазуритовых глазах той прозрачной глубины, в которой я недавно купался и тонул. Передо мной была стена, твердыня.

– А муж мне изменяет. Вас, кажется, не так давно интересовала эта тема. И знаете, почему он это делает? Да по той же причине, из-за чего изменяет своим жёнам половина из вашего племени. Это своего рода оборона, превентивная мера. Он убеждён, что я изменяю ему, и вот – достойный ответ господина, властелина, хозяина...

– А на самом деле...

– Только собираюсь. Но соберусь непременно, можете не сомневаться.

Ну какая после всего этого работа... Я простился с ней у входа в ресторан и, сделав круг по площади, вернулся к нулевому километру. Надо же, здесь проходят тысячи людей, у которых нулевая отметка находится где угодно, только не на этой площади. Моя, например, в одноэтажном сером бараке, общаге для вчерашних зеков, и случилась она в тот час и миг, когда только что вернувшийся из лагеря сосед Кривун зарезал нашу соседку – тихую Петуню. От любви.

Чтобы, говорит, никому больше не досталась, а его, Кривуна, жизнь всё равно пропащая. Загубил одного, загубил двоих, троих, а потом – какая разница... Я смотрел на каменный столб с отметиной, и дурной голос блажил в глубоком моём нутре: «Начни сначала!».

Итак, мне сорок восемь лет. Я работаю в фирме, которая никакого значения для экономики и в целом для жизни нашего замечательного отечества не имеет. Поначалу я, признаться, думал, что наши предприятия выпускают презервативы. Не успел я отработать неделю – заявляется дама прискорбного возраста и начинает меня укорять за отвратительное качество нашей продукции. В конторе никого, а из сумки у дамочки торчит несколько упаковок с презервативами. Я, конечно, растерялся, но решил проявить инициативу, заявив, что мы заменим весь приобретённый ею товар на доброкачественный. При этом я указал на её полураскрытую сумочку. Я, к сожалению, не отгадал – и тут началось!.. Не знаю, запомнит ли посетительница меня, но я её помнить буду долго...

Про любовь я забыл, когда расстался со своей женой и вслед за тем со спокойной лёгкостью начал сходитья до крайней близости с любой более-менее привлекательной женщиной. Потом это никчёмное занятие мне приелось, после чего опять возымело некоторое значение для моей пустующей жизни. Но вскоре я стал замечать, что далеко не с каждой могу сойтись, чтобы иметь эту самую близость. И тогда я стал задумываться, что дело не только в привлекательности. И понял, что, скорее всего, поначалу мне надо влюбиться, а уж потом затевать плотские отношения...

И вот я влюбился. Но, конечно, в той жаркой парной и ледяном бассейне у меня и мысли об этом не было, всё началось потом, когда она уехала. Сначала совсем немного. А когда она уехала в следующий раз, это чувство во мне многократно разрослось, и я начал тосковать.

Был разгар лета. Всё цвело и зеленело, больше всего хотелось на реку и в горы, меньше всего – на работу. Она явилась в полупрозрачной блузе из белоснежной жатой марлёвки и жёлтых бриджах под цвет сандалий. Я прекрасно знал, что она вернулась всего лишь из Питера, и всё-таки меня не покидало ощущение, будто она побывала где-то за далёкими морями. Когда начальница отвлеклась, она поцеловала меня в висок, и я неожиданно для самого себя выдохнул:

– Аленький цветочек...

После работы мы опять пришли к нашей клумбе.

– А зачем ты сказал про Аленький цветочек?

– А зачем ты притворяешься, что не знаешь?..

– Ты хочешь сказать, что поцелуй – это был желанный подарок из-за трёх морей, из тридевятого царства и тридесятого государства?

– Что-то в этом роде, только я не помню, сколько в той сказке было морей и государств.

Мы купили свежих булочек, сыра с плесенью и полдюжины бутылок пива. Я не сразу поверил, что ей тоже нравится этот подозрительный сыр.

– Знаешь, вообще-то этот сыр рекомендуется есть с орехами и виноградом, – просветила она меня. – Ты должен ещё попробовать французский рокфор, итальянскую горгонзолу и английский стилтон. Это что-то!

Мягко говоря, я был ошарашен.

– А ты что, всё это уже пробовала? Я в наших магазинах ничего подобного не встречал.

– В наших – да, – уклонилась она от прямого ответа.

Придя домой, мы сняли с себя всё, поскольку даже самая мануфактурная малость прилипала к телу, пытаясь его расплавить. Пиво было недостаточно холодным, сыр тоже не мешало бы подержать в холодильнике, а булочки... да что может случиться с булочками. И мы обняли друг друга, несмотря на жару, несмотря на жажду, ибо другая жажда была попросту невыносима...

– Я больше не смогу так подолгу тебя ждать, обходиться без тебя, слышишь?..

– Слышу, милый, но я думаю, только там, за тремя морями, можно понять и почувствовать, что же происходит здесь. Со мной, с тобой, с нами...

С этими словами она откатилась на другой край постели и раскинула руки, точно уставший странник, встречающий долгожданный рассвет. И показалась настолько чужой и далёкой, что у меня даже дыхание сбилось.

А потом мы остужали себя холодным (остывшим за время наших объятий) пивом, и это было божественно – немецкий сыр с плесенью, а вместо винограда и орехов – пиво и булочки.

– Ты знаешь, – сказала она, – вот мы вроде бы употребляем калорийную пищу, а я всё больше и больше хочу есть. Странно, да?

– Глупая! Это же так просто – это называется любовным голодом!..

Бывший человек хочет возобновить свою бывшую жизнь и вспоминает бывшую любовь на родине предков

– У-у, а это, – она провела рукой по моей груди, – любовный пот.

– А это, – я резко перевернулся на живот, – любовное ложе. А над нами – любовный свод, там – любовное окно, за стенкой любовный душ... И... У меня замечательная идея! Давай наберём номер какого-нибудь кафе или ресторана и закажем пиццу. И нам принесут её прямо сюда, в нашу любовную квартиру, и пицца будет любовной пищей...

– Которая не даст нам умереть от любовного голода! Ты хорошо придумал, только это ужасно дорого, у нас не хватит денег.

– Чёртовы деньги! – опять я выпустил это обстоятельство из виду. – Ладно, поступим иначе. Я быстро сгоняю в магазин, куплю сосисок и ещё булочек. Будем их есть и думать, что это наша любовная пища. А пиво – это божественный нектар, доставленный нам прямо из садов Семирамиды.

Я так и сделал, но, вернувшись, застал её одетой, готовой к уходу.

– Вот как?

Можно легко представить мою физиономию в эту минуту.

Она рассмеялась.

– Я ухожу ненадолго, а до конца наших дней ещё целая вечность.

Лучше бы она этого не говорила! Лучше бы не приходила сегодня! Лучше бы не возвращалась из Питера! Лучше бы её вообще не было! Я не находил себе

места в смятении, я пытался остановить себя: остынь, стань прежним... Но ничего не получалось, я даже к зеркалу подошёл – я ли это?! «Исчезли юные забавы...» – издалека прилетела строчка. А следом – вихрь в голове: уволюсь, уйду, исчезну, уберусь куда подальше! Зачем мне эти испытания, эта унижительная должность и столь же унижительная зарплата, эта красивая начальница, эта – эта!.. Я же не пропащий, я многое могу, я был человеком уже в восемнадцать...

«Но сейчас тебе сорок восемь, – подсказал я сам себе, – и никому твой диплом, твои знания и умения не нужны. Ты жалкий регистратор, ты даже толком не знаешь, как твоя должность называется...»

Я включил компьютер, пошарил по социальным сетям и наткнулся на одной из страниц на предложение: «Доставка обедов на дом предлагает дружить». Думаю, если бы дружба и состоялась, на цену заказа это вряд ли повлияло бы. Впрочем, разговор запоздалый.

Тем временем маленькие шустрые испанцы победили здоровенных медлительных голландцев. Вот и завершился чемпионат мира по футболу. Жалко королеву Беатрикс, она верила в победу своих... Привет, Беатрикс, не грусти!

Новый день начался как обычно. Я написал ей в ICQ: «Как спалось?». В ответ она прислала рожицу с алым отпечатком губ на щеке – поцелуй.

На обед мы с ней не ходим. Я привык вообще не обедать, она приносит в пластиковом контейнере какую-нибудь готовую еду и разогревает её в микроволновке, в задней комнате, напоминающей чулан.

– Будешь? – обычный вопрос.

– Нет, – всегда отвечаю я.

Начальница каждый день уезжает на обед. Но сегодня что-то произошло, она никуда не поехала, вообще не тронулась с места. В общем, я едва дотерпел до конца рабочего дня.

– Пойдём, поужинаем где-нибудь?

– Сегодня не могу, – сказала она куда-то в стол.

Я едва удержался от расспросов.

– Давай хоть провожу немного.

Мы вышли на крыльцо, перегретое дневной жарой.

– Кстати, ты ничего не рассказала про Питер. Что там, как?..

– Питер... – она задумалась на минуту. – Я бы никогда не стала жить в Питере. Город-памятник... Чувствуешь себя в нём, в центре особенно, как школьник на экскурсии. Идёшь – и кажется, что сейчас увидишь на доме табличку «Руками не трогать».

– Странно! У меня от Питера были совсем другие ощущения. Правда, это случилось давно...

Она будто и не слышала меня.

– Интересно другое – присутствие всех времён... А ещё – из Питера трудно возвращаться, и это при том, что я уже сказала: никогда не стала бы там жить. Не знаю, в чём дело, но я думала о тебе, и ты казался таким же нереальным, как встреча где-нибудь на Фонтанке с Пушкиным. А в другие дни я чувствовала тебя даже ближе, чем здесь, хотя должно бы быть иначе. Я несколько раз видела тебя во сне, смутно, правда, помню их... вроде бы я прикасалась к тебе

– непонятному, запредельному и демоническому... И приставала с вопросами – какой ты на самом деле?

Смотрю на неё и думаю: тот же самый вопрос я уже много раз мысленно задавал ей. И это было не во сне.

– А где ты живёшь? До сих пор ведь не знаю.

– Там, – она махнула рукой в направлении спальных кварталов. – С мамой.

Та-ак... Тема развития не получила. А с языка готово было сорваться глупейшее из глупого – про знакомство с мамой.

– А у меня с Питером связано многое, – решил я вернуться к началу разговора, – и неудивительно, что я там являлся тебе в неких представлениях. На улице Рубинштейна жила моя матушка, там же родилась моя сестра 5 октября 1941 года. Нетрудно представить, что постигло нашу семью: блокада, голод, цинга, дистрофия, Барнаул... Так что я, хотя и родился в городе Б., корнями всё из того же Питера. Страстно влюбился в начале 80-х в питерскую женщину. Она была замужем, я – женат, и связь наша – греховна... Я срывался из любого конца страны и мчался к ней в Питер, и так продолжалось два года. Мой лучший друг Георгий Алексеев, в чью честь я назвал сына, живёт в Питере, художник. Я приезжаю к нему, когда могу. Свой медовый месяц с последней женой я провёл в Питере, рванув на самолёт прямо из загса. Там и чудеса случались. Идём с молодой женой возле Исаакиевского – навстречу моя родная сестра, которая жила тогда в Рязани. Оказывается, ей как блокаднице дали экскурсионную путёвку в Питер. У них в автобусе была куча свободных мест, и мы попали на такие экскурсии, куда бы в жизнь не собрались. Вот так, дорогая моя, ничего случайного в мире нет. Как я вообще не свёл там тебя с ума своим присутствием?

– А она, та, из Питера, где сейчас? И почему ты не остался с ней?

– Я хотел развестись и жениться на ней, я настаивал, даже требовал, но она сказала, что не может предать мужа. Да, он не смог бросить весь мир к её ногам, да, она готова в любой час сорваться и лететь ко мне хоть за тридевять земель, но бросить его она не в силах... Где она сейчас? Была в Америке, в Сан-Франциско. Новый муж (заметь, всё-таки новый!), американец, увёз её туда и вскоре скончался. Вроде бы там наследство приличное... Сейчас, по-моему, она снова в Питере.

Я не стал продолжать, иначе пришлось бы рассказывать, что я однажды взял и набрал старый телефон моей питерской возлюбленной. И – о, чудо! – ответила мне она сама...

Всему своё время, путешествию с котомкой – тоже.

И опять – похожие друг на друга женщины

Ответила через два десятка лет после того страшного разрыва, когда я настаивал на браке, а она говорила, мол, муж не виноват в том, что не смог заполнить собой весь мир... Это для неё сделал я, но не ценой же предательства наслаждаться миром.

Хрипловатый голос курящей женщины отозвался в телефоне:

– Это ты?

Потом мы говорили и говорили. Будто не было всего между тогда и сегодня. А может, и не было?.. Вот и адрес прежний, и телефон, только голос изменился. Мне запомнились её слова о желании странствовать по миру всего лишь с котомкой. Мне не хватило этой ночи, этого бесконечного разговора, и я послал ей письмо по электронной почте:

«Давно так не разговаривал с тобой. Хотя разговаривал постоянно, годами. Сколько их прошло! Всё перед глазами, всё близко – потрогать можно. Это аксиома – мы знаем себя только молодыми, мы никогда не признаемся в собственной старости. Да и не случится она, я-то знаю, как человек, проживающий одиннадцатую жизнь. Как ни отбивайся – ты в моих объятиях, сильная, смелая, противостоящая и... сдавшаяся. Нельзя прекрасное выбрасывать из жизни, это безнравственно, это бесчеловечно. Мы уйдём паломниками – в Индию ли, в Афон... или на плато Укок, – нас никому не догнать. С котомкой, говоришь? Пусть будет с котомкой».

И всё. Ответ затерялся в космосе. Ответа попросту не последовало. День, другой, месяц... Тогда я написал: «Неужели напугал? Поспешу заверить: все мои движения сегодня совершаются, как нынче говорят, виртуально. Иными словами, я дерзновен, не сходя с дивана. Понимаю, дальше должно последовать разочарование – закон жанра. Впрочем, ерунда это всё. Ох, какая же ерунда!».

И опять нет ответа. Я позвонил.

– Наверно, первое письмо озадачило тебя?

– Ты знаешь, мне кажется, в этом случае ты выразился точно – озадачило.

И больше не было ничего – ни писем, ни звонков.

Остаток дня я ходил по городу, отсчитывая автобусные остановки, пытаюсь измотать себя ходьбой. И вдруг я подумал о том, что они очень похожи, моя питерская подруга и она!

Почему-то раньше мне это не приходило в голову, а ведь сходство просто удивительное: фигура, волосы, скулы, глаза... Впрочем, разрез глаз одинаков, а радужка у той, далёкой, под цвет питерского серого неба, ненастье в глазах. Слово зацепило – далёкой... А она разве близкая? И кто же из них дальше?..

Я пришёл домой, когда начало темнеть. Квартирка моя в этот вечер показалась мне как-то по-особенному неуютной. Из угла в угол, из угла в угол – я не знал, куда себя девать. Мечась по комнате в полумраке, я чувствовал, как у меня закипают мозги, и ничего не мог придумать, чтобы успокоиться. Бухнул-ся на колени перед образами, выставленными на книжной полке.

– Господи! Ты помог мне, дав возможность снова почувствовать своё сердце, найти его живым, ты позволил мне полюбить. Помогги теперь, прошу тебя, сохранить обретенное, не спугнуть, не растратить, удержать её, птицу неведомую!

Поднявшись с колен, я приблизился к образам и с изумлением обнаружил, что все они повёрнуты ликами к стене. Кому это понадобилось, для чего?.. В последние месяцы здесь вообще никого не было. Неужели она? Нет, чушь какая-то... Я расставил иконы, как было раньше, задержал в руках маленький образок своего ангела-хранителя – мученика Анатолия.

– Поминай меня в благоприятных твоих молитвах пред Христом... Да сохранил Он нас от искушений, болезней и скорбей. Да дарует Он нам смирение, любовь и кротость... Смирение, любовь и кротость!

Анатолий с иконки смотрит одновременно на меня и куда-то дальше, словно сквозь прозрачное тело... Эту иконку привезла мне дочь из Иерусалима, когда ей только что исполнилось десять лет, и их возили в Израиль с концертами. Она всем привезла их покровителей – и брату, и маме, и мне. Рядом с моим маленьким киотом портрет дочери с обезьянкой на руках. Обезьянка живая, я помню, как мы собирали деньги, чтобы привезли её в садик, а потом все ребяташки фотографировались с ней по очереди. Дочери здесь пять лет, и она совсем не похожа на свою мать. Сходство появилось гораздо позднее, ближе к окончанию школы, и с тех пор никуда не девалось, только усиливалось. У меня защемило сердце: скучать по своим близким и родным я научился совсем недавно. Это произошло как-то незаметно – так же, как подкрадывается старость. Всех раскидало по белу свету, ко всем дороги лежат через тысячи километров, даже вечные поселения тех, кто ушёл навсегда, слишком далеки от меня. И сердце не то просится к ним, не то зовёт: придите, хотя бы загляните на огонёк!

Несколько дней повторялось одно и то же: день на работе, вечер – в пустой квартире. Без неё. А потом она уехала в Москву. А потом – приехала. Вечером она не давала мне рта раскрыть, рассказывала всякие истории. Как она, к примеру, встретила там свою подругу, и они пошли в салон делать причёски. (Я ещё подумал: какая ей причёска – гладкие длинные волосы, расчёсанные на ровный пробор. И откуда у неё подруга в Москве?)

– Салон в Китай-городе, на Солянке, – говорила она с каким-то новым возбуждением. – А тут пошёл дождь. Наши причёски вымокнуть не должны, рассудили мы, и решили переждать дождь в ближайшем кафе. Я вспомнила, что рядом, за углом, знаменитая «Экспедиция», где мы иногда бываем с Иван Егорычем (они с директором ресторана – партнёры по бизнесу), но цены там заоблачные, нам не по карману... Но Любка захотела именно в «Экспедицию», чисто по-русски выдав: «Гуляем, я получила отпускные!». Блюда там готовятся из самых натуральных сибирских продуктов: лось, медведь, барашки, муксуны-нерпы... И тут Наташа, наша официантка, делает глаза по блюдцу и шепчет, что к ним едут президент с премьером! Не могли предупредить заранее. Зал почти полон, оставалось только два столика, вот они за крайний и сели. Заказали строганину, пиво... Ничего особенного, как все... И тут приходит пара. Она... такая, знаешь, блондинка, с во-о-от таким декольте, туда такие вообще не ходят. Но её кавалер, видно, из богатых. Официантка подала им меню, сидят, выбирают... И тут она что-то стала спрашивать у своего бойфренда, подняла глаза... А как раз за спиной бойфренда сидит президент. Как его увидела, так и окаменела! Глаза у неё сделались такими... невероятно круглыми, и она замерла. Я, конечно, точно сказать не могу, но мне показалось, что она не ела и говорить не могла, так окаменелая и сидела... Мы с Любкой прям обхохотались! А тут ещё один из посетителей сбегал в магазин внизу (у «Экспедиции» собственная сеть магазинов, баня, бар, кафе), притащил шкуру тигра или леопарда – и подарил президенту, за автограф. И мы с Любкой,

конечно, пошли в магазин... Нет, это не магазин, это целый музей! Чего и кого там только нет! Основное – всякие меха, ковёр из песка, соболиные шапки, шубы, муфты, бивни мамонта... В общем, навалом всякой всячины. Мы там сделали фотосессию и ушли довольными.

– И это всё зачем ты ездила? – не нашёл ничего лучшего спросить я. – И кто такой Иван Егорыч?..

Хороший аппетит, мечты о Черногории и месте, где всё ещё живут умные и чуткие

– Иван Егорыч – старинный знакомый; он старше меня, по-моему, на полвека. И вообще это всё из другой жизни.

– Интересно, сколько у тебя этих других жизней? – я заранее знал, что не получу ответа, и тут же поинтересовался: – И куда ж мы теперь с тобой пойдём, после «Экспедиции»?

– А давай пойдём в блинную, страшно захотелось блинов.

Заведение, куда мы пришли, называлось «Блин-картошка», там, помимо блинов с различной начинкой, давали печёные картофелины, которые тоже начиняли мясом с овощами, тёртым сыром и грибами. Она заказала себе картошку с овощами и блин с мясом, я взял два блина с начинкой, называемой «деревенской».

– Пиво?

– Пиво.

Мне вспомнился тот вечер, когда тоже было пиво, а на закуску – сыр с плесенью. Тогда всё было иначе – и вкус пива, и запахи вечера.

За молчаливой трапезой в какой-то момент мы показали мне парой давних сослуживцев, надоевших друг другу на работе и по чистой случайности оказавшихся за одним обеденным столом. Я посмотрел через её плечо за окно и увидел (как разглядел – не пойму) ускользящее лето. На дворе был август – месяц, который у нас в Сибири всегда несёт в себе прощальные мотивы. Мне стало грустно и страшно одновременно. «Заговори же!» – мысленно просил я её, почему-то не думая о том, что мне ничего не стоило заговорить первым.

– Знаешь, я бы съела ещё блин, – это были её первые слова после затянувшегося молчания.

«Ничего себе аппетит!» – подумал я, направляясь к стойке заказов.

– Кстати, – молвила она, сосредоточенно разделявая блин, – в издательство «Олма-пресс» требуется – уже целый месяц ищут – главный редактор. Дефицит кандидатов! Мне кажется, ты бы смог. Хочешь в «Олма» работать? Москва, зарплата...

– И ты составишь мне протекцию? – усмехнулся я, удивляясь в очередной раз: откуда она всё это знает...

– Ну-у... – она сделала движение рукой, и это могло означать что угодно. – Ты прости меня, я же любя. Ладно, не буду больше будоражить твою жизнь, ты сам всё в ней решишь.

Наверное...

Когда с блинами было покончено, она сказала:

– Хочу к резеде. Ты ведь понимаешь, о чём я?

Я прекрасно понимал, только немного удивился, что она тоже запомнила цветы, их одуряющий запах и то место.

Там ничего не изменилось, прощальные мотивы уходящего лета пока ещё не добрались туда. Вот уж не знал, что резеда так долго не вянет.

– Я хочу, чтобы мы поехали куда-нибудь вместе.

От неожиданности я потерял почву под ногами: честное слово, я шагнул – и моя нога будто опустилась в пустоту.

– Ты же всегда едешь одна... Ну и не поеду же я за твой счёт, а своих у меня... сама знаешь.

Господи, каким же занудой я сам себе казался!

– А куда, к примеру?

– К примеру... С тобой я бы поехала в Черногорию. Съездить – и успокоиться уже. А то эти страсти-мордасти крутят-вертят, покоя не дают... – она будто бы разговаривала сама с собой.

И тут... словно прорвало плотину, – она нежно прильнула ко мне и горячо заговорила:

– Меня иной раз просто тоска душит... Не хуже той старухи, живущей у самого синего моря: хочу видеть тебя – и всё, башку сносит. Кое-как успокаиваю себя, что тебе не место здесь, в этой конторе, ты замечательный, умный, талантливый, ты, может, сам не знаешь, какой ты, и я вполне допускаю, что ты человек, место которого – в другом измерении... Там, где живут умные, с ещё не умершими душами. Наверно, это какой-то другой город должен быть. Или та же Черногория, где люди живут спокойно, размеренно, не гонятся за несбыточным. А может, всё-таки не в городе дело... забери тебя отсюда – и что ты будешь делать без своей Оби, Катуня, чемальских сосен? Понимаю, ты видишь себя в этом зеркале. Но это не твоё зеркало! И жизнь твоя совсем иная, хоть и чем-то похожа...

Внезапно она остановилась, будто споткнулась, схватила меня за руку и потащила за собой.

– Пойдём скорее к тебе, я больше не могу терпеть! Во мне что-то такое, перезревшее... мне кажется, ещё чуть-чуть – и я взорвусь!

Мы не дошли – долетели до моей квартирki. Перед глазами у меня плыл какой-то жёлто-красный туман, и я совсем не помню, как она стаскивала с себя блузку, ещё не переступив порог. Это действительно трудно – вспомнить тот вечер в деталях, потому что сознание отключилось, и мы на какое-то время превратились в дикарей, мы перестали быть людьми: смесь ярости, страсти и чего-то тёмного и неопиcуемо прекрасного, всё это билось в нас и вырывалось наружу. Осталось ощущение небывалого – когда нежность переходит все мыслимые и немыслимые границы и становится похожей на убийство...

Первое, что она спросила, едва мы пришли в себя:

– Разве ты не убил меня, любимый?

– Не спрашивай, я сам ещё не слишком живой.

– Разве можно так набрасываться на людей?

– На людей – нельзя. А ты... И когда ты успела всему этому научиться?

– Сегодня. Только сегодня. Но ещё раньше я знала: всё, что делается под знаком любви, не может быть порочным, стыдным. А ещё... Поскольку тебе не удалось убить меня на нашем преступном ложе, ты выбрал другое – уморить меня голодом. В холодильник можно не заглядывать, так ведь?..

Разумеется, в холодильнике у меня было пусто. Да, аппетит у моей девушки отменный. Однако меня неприятно задело это первое желание, пробудившееся в ней после нашей любовной схватки. Кстати, который теперь час?.. Нормальные магазины закрыты, остался один суточный, который большинство покупателей обходят стороной: продукты там частенько оказываются просроченными. Но я всё же отправился в ночной поход и добыл – о, чудо! – пиво и сыр с плесенью.

...В очередной раз она исчезла, ничего не сказав мне накануне. А через пару дней позвонила на мобильник:

– Привет! Я в Париже. На Монмартре фиалки. Говорят, они здесь цветут почти круглый год. Даже в декабре! Знаешь, такие, как у нас на подоконниках растут. В лесу совсем другие... Тут ещё совсем рано, а в кафешках полно народу. А народ – это тётки, нечёсанные, невытые, прямо со сна. И все трещат, не умолкая, как сороки. Кофе, круассаны... Я в книжке, помню, читала про всё это. Только про невытых и нечёсанных там не пишут. А на улице полно негров, чёрные такие, прямо синевой отливают...

– Ты что там делаешь? – не удержался я, заранее зная, что ответа не получу...

Утекающее время и уходящее уличное счастье.

А ещё – спасительная бутылка пива

– В данный момент стою на площади Этуаль. Жуткий туман, в котором Триумфальная арка кажется безногим и безголовым каменным чудищем. Она плывёт в непонятном пространстве, – такое впечатление, что вскоре накатит на тебя. Я вспомнила Ремарка, его замечательный роман про эту самую арку, где герой, едва познакомившись со своей возлюбленной, увидел в ней до странности близкое существо. А ведь она была ему чужой. Впрочем, и он чувствовал себя везде чужим, это странным образом их сближало... А ещё я помню из того же романа, что жизнь – нечто большее, чем свод сентиментальных заповедей. Один знакомый того самого героя, узнав о смерти жены, провёл ночь в публичном доме. Проститутки спасли его, а с попами ему было бы худо... Всё, пока! Я тебя целую и люблю, не забывай об этом!

На следующий день я пришёл на работу полный решимости задать пару вопросов начальнице, вышел в почту и обнаружил послание от неё: «Меня не будет несколько дней. Справляйтесь без меня».

Очень интересно! И с чем это я должен справляться? Обязанностей начальницы я толком не знаю... да и знать не хочу. Со своими без подсказок разберусь. Из-под меня будто выбили стул: я ведь собирался задать вопросы, запасных вариантов не было.

Её стол был первозданно чист.

У меня появилось ощущение, которое я испытал в день, когда исполнился ровно месяц после моего сорокапятилетия: время идёт, месяц прошёл – и что с того? «Надо что-то предпринять! Надо что-то сделать!» – вертелось у меня в голове, и не находилось ни одного предложения по поводу этого «что-то».

У нас в городе ещё осталось несколько летних кафе, где за скромные деньги можно выпить и закусить. Правда, все закуски упакованы в разовую посуду и обтянуты плёнкой. Понятное дело, их готовили где-то далеко и не сегодня, зато ты сидишь безо всяких соглядатаев, называемых красиво – метрдотель, менеджер по обслуживанию, официант. Никто не заглядывает к тебе в тарелку и не ждёт, что ты вот-вот удерёшь, не рассчитавшись. Взял у буфетчицы, что тебе заугодилось, – и ты полный хозяин своего угла и нехитрой снеди. Другой плюс – цены. Это, пожалуй, самое важное для меня. Они почти не отличаются от магазинных. Ну, скажем, бутылка вина с романтическим названием «Изабелла» стоит на десять процентов дороже, чем в магазине. Всего-то! Да кто ж из неустанно заботящихся о моём благе с этим смирится! Ни за что!.. Но есть на этих маленьких островках всенародной привязанности ещё одна неповторимая деталь, которую я не побоюсь назвать наслаждением: мимо тебя ходят люди. Не снуют между столиками, а просто идут по своим делам, не имеющим никакого отношения ни к тебе, ни к этому кафе. Они, может, даже и не замечают его, притаившегося в нише между домами. И я могу их не замечать, этих торопливых прохожих. А могу, напротив, выцеливать красивых девушек и, провожая взглядом, долго смотреть им вслед. Могу на скорую руку набросать психологический портрет медленно бредущего человека с пустым взором. Могу придумать историю весело болтающей о чём-то пары. Могу сочинить целый роман о жизни человека, горделиво поглядывающего поверх окружения. На нём выношенный китайский плащ, явно опережающий сезон, в руках у него старый кожаный портфель, в каких носит бумаги вымирающее племя учёных и педсостава. И только своей истории я никак не могу придумать...

Я на старости лет сошёл с ума. Да, я пользуюсь взаимностью... по её словам.

И нам действительно хорошо вместе. Ну что мне ещё надо?..

Третья бутылка «Изабеллы». В общем-то, это дрянное вино, изготовленное из отжимков бывшей нормальной продукции. Специалисты придумали подобным напиткам оригинальное название – «спиртосодержащий продукт». Судя по всему, содержание спирта в моей «Изабелле» достаточное, я уже подхожу к той блаженной черте, когда сидишь, улыбаешься... и никакими силами твоей физиономии не придать серьёзности. Всё проплывает мимо меня – люди, автомобили, листья, поднятые ветром. Напротив меня привалился к парапету молодой человек в ярком световозвратном жилете, на котором крупно выведено: «Золото»; в руках у него пачка рекламных проспектов. Подзываю его жестом.

– А почему ты не предлагаешь свой товар мне?..

Тот подошёл и, пожав плечами, сунул мне разноцветную бумажку, сказав только:

– Вы всё равно не купите своей даме бриллианты...

Я долго сижу, раздумывая, брать четвертую бутылку или нет. Вряд ли осилю. А в голове всё крутится и крутится фраза: «Вы всё равно не купите...» Ка-

кое чудесное кафе. Как мало денег я потратил на то, чтобы нарезать вдрызг... Какая сволочная жизнь, когда сопляк заранее решил за тебя, что ты никогда не купишь... Да я куплю ей остров в Карибском архипелаге!

– Эй! – закричал я ему вслед, вскочив из-за столика и опрокинув стул. – Стой! Ты что-то знаешь, чего не знаю я, да?!

Слава богу, у меня хватило остатков разума, чтобы понять: я не только не доберусь до разносчика, я не смогу двинуться с места.

– Можно вас?.. – позвал я мальчика, убирающего грязную посуду. – Вы не могли бы вызвать мне такси?

Всё в тот вечер закончилось благополучно. Во всяком случае, после мальчика с грязными тарелками я уже ничего не помнил, очнувшись у себя в ночлежке. Я лежал на спине, не в силах повернуть голову и даже поведи по сторонам глазами. Мне было плохо, однако в эту минуту я любил портрет Фицджеральда, засиженный далёкими от творчества мухами, стеклянную половинку дверцы побитого книжного шкафа, соединённого от тесноты с посудной горкой... Я был без ума от вечно включённого утюга на табурете, моего спасителя, потому что он, забытый торопливым хозяином, сторел сам. Я боготворил грязное пятно на потолке, оставшееся после неудачной охоты на комара... Всё прекрасно, всё на месте сегодня, этот мир меня не предал. Но для полного и окончательного счастья мне не хватало самой ничтожной малости – бутылки пива. Превозмогая боль и ужас, вызванный перемещением в пространстве, я дополз до холодильника. И что же?.. Она там была! Одна в этом страшном белом безмолвии. Первая дурацкая реакция – мне стало обидно за неё: это кто же тебя, милая, оставил здесь на съеденье пустоте или на разор случайного упыря?.. Но я спасён!..

Вот дьявол! Когда же я перестану вздрагивать от неожиданности, едва увидев начальницу!?

Иногда я почти уверен, что становлюсь свидетелем какого-то невысказанного превращения, происходящего в тот самый момент, когда я распахиваю двери. Только что, мгновение назад, за этим столом сидела она – и вот уже передо мной совсем другой человек. Впрочем, я говорил уже, что они похожи, только цвет глаз, волос, кожи – это всё другое. Возможно, постаравшись, я обнаружил бы ещё какие-то детали, но сама мысль об их похожести возмущала меня.

– Итак, – начал я, будто наш разговор был прерван совсем недавно. – Где же наша сотрудница? Или я, согласно вашему идиотскому внутреннему уставу, не вправе знать это?..

Игра продолжается. Правила по-прежнему неизвестны.

И кто-то теряет рассудок

Я ожидал чего угодно – взрыва негодования, презрительного «пшёл», пустого взгляда... Но начальница лишь улыбнулась (её улыбкой!) и сладко потянулась:

– После работы, дорогой... Хорошо?

И, подхватив со стола несколько папок, стремительно вышла.

Вот тут я точно понял, что схожу с ума. «Дорогой!» Я сошёл с ума, но не оглох, это точно. Дорогой... Какая, к чёрту, работа!

И вот очередной звонок.

– Милый мой! Ты не удивляйся, так получилось... я в Америке. Думала, меня будут возить по всяким вашингтонам и нью-йоркам, а попадаютсся какие-то тихие места. Американцы такие потешные, улыбаются всё время и говорят, что у них нет гипертонии. У нас же от неё помирает каждый третий! А всё потому, что у них почти нет проблем или они не принимают их близко к сердцу... Мы сейчас в местечке, называемом Уэллсли. Здесь знаменитый колледж, в котором – представляешь! – преподавал сам Набоков. Тут неподалёку полянки, на которых он ловил своих бабочек. Он занимался лепидоптерологией, отрядом чешуекрылых, и знал о них всё – эволюцию, ареалы, таксономию, морфологию... Набоков говорил о бабочке, наколотой на булавку, что она переживёт свой прах. Помнишь, Пушкин о своих стихах: «Душа в заветной лире мой прах переживёт и тленья убежит...».

А Набоков – о бабочке. И он же ограничивает срок стихов, которым, как он считает, нужна тысяча лет, чтобы умереть. Какая-то тысяча, господи!.. Алло! Ты меня слышишь?

– Я тебя не слышу. Я даже видеть тебя перестал... Ты какая?..

– Здесь жуткая жара – мозги слипаются, ходишь всё время в мокрой футболке, ужасно хочется пить. Ты не скучай, дорогой! Я скоро приеду и привезу тебе одну замечательную штучку. Пока, пока! Целую!

«Надо всё это заканчивать!» – твержу себе с самого утра и не знаю, с чего начать. Выбросить из головы – это, разумеется, первое. Уволиться, чтобы не видеть её никогда. Уволиться, да... Можно ли излечиться от любви?.. Есть ли жизнь на Марсе?..

Начальница сидит на своём месте, направив взгляд куда-то мимо монитора.

– Меня не покидает ощущение, что всё это ваши проделки.

– Я тоже обычно при первой встрече утром здороваюсь, – молвит она, счастливо улыбаясь.

«Я бы убил тебя при первой же возможности!» – думаю я, невольно делая шаг в её сторону.

– Какого чёрта вы гоняете её по белу свету? Что это за командировки, что за вояжи? Вы это назовёте производственной необходимостью? А нельзя ли мне, мелкому клерку вашей унылой конторы, поинтересоваться, в чём эта самая необходимость заключается? Будьте так любезны, откройтесь!..

Неожиданно она поднялась, подхватила свою изящную сумку из бежевой замши и, взмахнув ей, как бы прощаясь, обронила на ходу:

– Некогда... дела, понимаете ли. Вечером... Хорошо? Всё вечером. Надеюсь, у вас хватит терпения дожждаться?

Видимо, терпение дожидаться – это то, что придётся мне отныне вырабатывать в себе неустанно. Я включил монитор, нашёл её фотографию – хоть с картинкой поговорю.

– И вот скажи мне, отчего шлюхи всего мира, заряжая свои фотки на Tor-face, обязательно помещают себя на острова, в дорогие машины, экзотические

отели? Потому что знают, что сами по себе ничего не стоят? Ты чего делаешь там, в своих парижках и венах? Я был там в своё время... Открытки на память – и ничего больше.

– Ты же не хочешь меня обидеть, правда? Не знаю, мне кажется, я повзрослела уже давно, задолго до тебя. Может, это покажется смешным, но иногда я чувствую себя даже слишком взрослой. Не знаю, что тебе сказать... Вот не знаю – и всё! Хочется, чтобы всё определилось вдруг... как в сказке. Люблю тебя, – а о последствиях пока не думала. Мне хочется с тобой разговаривать, разговаривать... и не только разговаривать. А то нас иногда заносит в разговорах. Мне кажется, у меня включается какая-то защита... и происходит это произвольно. А ты... ты вообще уникальный случай – я часто поражаюсь молниеносности твоих реакций на слово, на интонацию. И я боюсь твоей непредсказуемости, хотя мне и хорошо рядом с тобой. А ещё я эгоистка, к тому же упрямая. Поэтому без вины виноватой я вряд ли могу стать. И ты же прекрасно понимаешь, что особое отношение между двумя аномальными влюблёнными может существовать до тех пор, пока существует между ними эфемерная субстанция, непонятно откуда возникающая и непонятно куда уходящая, эта самая любовь. Захочется ли ей оставаться с нами? С тобой – ленивым и самовлюблённым... и мной – упрямой и ветреной.

– Знаешь, мне кажется, что происходящее с нами сейчас – уже было. Не здесь, где-то в другом месте. Что это? Память прошлых жизней? Почему-то я не могу с тобой сдерживать себя, безосновательно злюсь, когда ты исчезаешь. Я верю и не верю тебе, меня пугает лавина моих чувств, я могу не устоять, меня пронзит или сметёт вечной болью, если я не приму противоядие. Я понимаю и не понимаю тебя, я уже не понимаю себя...

– Перевернула календарь на несколько недель назад и обнаружила, что мы прозевали замечательный праздник – день поцелуев. Не помню уж теперь, поцеловалась ли я хоть с кем-то в тот день... Решила тебя поцеловать, задним числом. Несмотря на твоё необыкновенное упрямство, неординарность и извращённый талант всех шокировать. А ещё – ребячество и умение вредить самому себе. Я, наверно, тебя люблю. «Наверно» – это потому что ещё сомневаюсь, уж очень странные чувства я к тебе испытываю. К примеру, когда влюбляются, стараются быть – или казаться? – лучше... и всякое такое прочее, женские, в общем, штучки. А для меня с тобой это совсем не важно. Всё! Попытку анализировать решила прекратить, пусть думает сердце. И твоё – пусть думает, чувствует и радуется. Спокойной ночи!

Вот это её «спокойной ночи» привело меня в чувство. Во-первых, день на дворе, во-вторых, пустое и прохладное пространство, окружающее меня, не может ни говорить, ни отделять день от ночи. Я разговаривал?.. С ней?.. Во весь голос?.. И я вслух порол всю эту ерунду про лавину своих чувств?.. Хорошенькая репетиция! Осталось выложить всё это ей при встрече. Можно ещё присочинить про слабеющие коленки.

А что мы знаем друг о друге? Что-то я уже напридумывал за неё про себя. Но ведь это я придумал, она-то может думать совсем по-другому.

– И то правда, – сказал кто-то моим голосом, – тем более что говорить с тобой она в данную минуту попросту не могла.

Я огляделся, проверил звуковые колонки – выключены. А голос тем временем продолжил:

– И где, говоришь, она нынче? В Америке? Ну-ну!

Он засмеялся, и смех этот был невыносимо противным. И тут из невидимого динамика послышался её голос:

– Сегодня исчезла Москва-Сити. Как-то Рената Литвинова, сама того, видимо, не осознавая, ввела в нашу жизнь афоризм на века: «Как страшно жить!». И в самом деле: жара +40 в тени, дымовая завеса, как будто все находится на съёмках остросюжетного фильма, где в тумане надо выследить преступника. Нынче я не обнаружила Сити. Страшно. Каждый день перед глазами стоял город небоскрёбов, а тут – пропал... Церковь напротив таможни стоит, хотя и вся в тумане, а Сити – нету! Есть фотографии, подтверждающие факт пропажи... Вспомнилось: как-то давно, ещё в пору, когда в проходных стояли вахтёры, один руководитель региональной телевизионной компании приехал ранним утром зимой на работу. Проходя мимо вахтёра, спрашивает бедолагу: «Макарыч, а вышка-то где?.. Проспал?! Спёрли вышку-то!». А мороз, туман плотный, телебашни не видно... Макарыч, белый от страха, побёг глядеть. И вправду: нету вышки! Вот так и со мной сегодня: нету Сити! Спёрли!

И тут меня начал разбирать смех, неожиданный и какой-то безудержный – истерика. Нет, меня не разыгрывают, это точно... Да и кому это надо. Я не сошёл с ума – у меня нормальная реакция, я адекватно воспринимаю окружающий мир. И это всё – голоса, звуки, сюжеты – не галлюцинации, это происходит за стеной, отделяющей мой мир от какого-то постороннего, чужого. Этого вообще не было... Сон! Минутная потеря сознания. Сколько раз я засыпал за компьютером, и какой только чуши не привиделось в этих снах...

Нью-Йорк, Париж, Москва-Сити... Милая моя, желанная! Страшная сказка, в которой теряют и находят, теряют и находят... И так – три, девять, двенадцать раз. Тридевятое царство!..

Осталось всего несколько минут до окончания рабочего дня, и тут вернулась начальница.

– Поехали! – весело объявила она.

Мир перевернулся, хотя вечер оставался вечером

У меня не было никакого желания ни сопротивляться, ни отговариваться, ни предпринимать хоть что-то. Я покорно поплёлся за ней и уселся на заднее сиденье её машины. Почему на заднее?.. Честное слово, никакой акции протеста тем самым я не выражал. Ещё подумал вяло: багаж всегда бросают на заднее сиденье.

Мы остановились, и я даже не удивился, когда она подвела меня к подъезду, возле которого висела знакомая табличка – «Оздоровительный центр». Я сразу же по привычке прошёл к кабинету своего приятеля.

– Привет! – окликнул его.

Он кивнул, чересчур сосредоточенно копясь в бумагах.

– Проходите в раздевалки, Нина вам всё устроит. Нина! – крикнул в открытую дверь. И нам: – Удачного отдыха!

Поначалу я всё пытался поймать его взгляд, не решаясь напрямую поинтересоваться, чего он строит из себя идиота. А потом понял, что в этой игре правила устанавливал не я, и для каждого роли распределены задолго до моего появления, мизансцены расписаны, круг героев строго очерчен. Что ж, надеюсь, всё встанет на свои места.

И тут каким-то странным образом всё в мире поменялось. Не просто вокрут, около или напротив, – нет, во всём мире. С чем сравнить – не знаю. Или я внезапно переселился на дно морское, или вознёсся к горным высотам, за облака и выше... Нет, всё не так, неправильно, неточно. У меня по-другому стали работать все органы чувств: их не то чтобы подменили – наделили другими функциями, возможностями. К примеру, дают тебе понюхать розу – а ты ощущаешь дождь на своём лице; он становится всё сильнее и сильнее, и вот уже струи воды заливают рот, глаза, нос... Нет, пожалуй, и это сравнение не очень удачное. Вот другое: вы полностью одеты – и вдруг ощущаете себя голым. Неудобно, неловко, люди кругом... Момент, вы скидываете с себя всё до последней нитки – и неудобства как не бывало.

Потом мы сидели в баре и пили напитки, которые, как и следовало ожидать, по вкусу совсем не походили на те, к которым я привык или вообще хотя бы раз пробовал. Мария Сергеевна успела переодеться в нечто напоминающее сари из переливающегося разноцветными сполохами шёлка. Наряд был ей к лицу. И ещё я подумал тогда: что ни надень на неё – всё будет элегантным, красивым и как-то по-особенному дразнящим. Мне не хотелось, чтобы она выглядела столь обворожительно, мне не хотелось, чтобы она в своём наряде являла совершенство, как не хотелось любого совершенства, связанного с ней. Я чувствовал в ней врага, но не понимал, как можно ей противостоять, противодействовать, что это такое вообще сейчас передо мной.

– Мария – это Маша? – тупо спросил я.

– Мария – это Мария и есть. – Она посмотрела на меня сквозь искрящуюся жидкость в бокале и добавила: – Сергеевна.

И тут я сделал то, что никогда в жизни не посмел бы сделать, будь хотя бы часть окружающего или меня самого в нормальном состоянии. Я вылил на её сверкающее сари содержимое своего бокала. Не выплеснул, а именно вылил – ровной, неторопливой струёй.

Она не вспыхнула гневом, не охнула, не подскочила от неожиданности. Лишь едва заметно дрогнуло плечо.

– И что теперь с этим делать?

Было непонятно, что имеет в виду вопрос – испорченную ли одежду или ситуацию в целом...

– Марш в бассейн! – заорал я, переставая понимать, что происходит и что я вытворяю.

Она покорно двинулась в сторону банного комплекса – через раздевалки, комнату отдыха, мимо парной, – будто неоднократно уже проделывала этот путь. Я догнал её у самой воды, но ничего не успел предпринять: как была, в сари и в туфлях, она прыгнула в бассейн. Я за ней; и первое, что ощутил – вода

вовсе не ледяная, как я думал, как знал, – она была шелковисто-тёплой, будто не водой вовсе, а сгустившимся продолжением воздуха.

Не сговариваясь, мы начали прямо в воде стягивать с себя одежду, что мне, например, стоило немалых усилий. Когда моя дама освободила себя от сверкающих покровов, я с изумлением обнаружил пред собой её. Ошибки быть не могло – тёмные волосы, скулы, ноги с едва заметными ямочками в середине коленных чашечек, а главное – обсидиановые глаза! Какая ошибка, если я изучал её и в лучах заходящего солнца, и в бархате утреннего света, и при свечах, и во мраке, где видели лишь мои пальцы...

И мы сплелись в объятьях. Мы тянули друг друга ко дну, но не размыкали ни рук, ни ног. Мы впилась друг в друга, глотая воду с солёной приправой наших раскалённых тел. Наши лёгкие были полны воды, мы уже почти утонули, пока кто-то из нас наконец не догадался ухватиться за низкий бортик бассейна. Мы выкатились на мозаичный пол купальни, всё так же не отпуская один другого...

Есть несколько вопросов, на которые я никогда в жизни не смогу дать ответа. Один из них: сколько времени всё это продолжалось?..

Помню, мы несколько раз возвращались в бар, кутаясь в простыни, грелись возле остывающей печки парной, снова прятались от жары и нехватки воздуха в прохладной купальне. А в голове у меня едва теплились абсолютно никчёмные, хотя и знакомые мысли: почему нас никто за всё это время не побеспокоил? Неужели мой друг специально перекрыл все ходы и выходы, чтобы нас не потревожили? И вроде бы должна же быть какая-то Нина... где она?

Потом всё изменилось – в который уже раз за нынешний вечер! А изменилось следующим образом. Мы сидим в баре, в бокале у меня какая-то бурда из тех, что заказывают девчонки-первокурсницы в дешёвых кафешках. Напротив меня Мария Сергеевна, моя начальница, и выглядит она точно так, какой я вижу её ежедневно с девяти до семнадцати, – подтянутая, модно и недёшево одетая, тронутая косметикой, точно отмеренной дорогим визажистом. И смотрит она на меня, как в то самое урочное время – рассредоточенно, размыто.

Вот она встаёт со своего места, вот укладывает что-то в свою сумочку, встряхивает своими светлыми, приведёнными в полный порядок волосами.

– Поехали?! – приказывает и вопрошает одновременно.

– А можно, я ещё посижу здесь?..

В эту минуту я напоминаю себе школьника, отпрашивающегося с урока.

Она пожимает плечами и направляется к выходу. В дверях останавливается.

– Кстати, Мария – это Маша и есть.

...Лето заканчивается, это видно по всему: листья падают, ещё не жёлтые, но уже сухие, хрустят под ногами. Вечера короче и холодней. Облака размазаны по небу в неуверенности – собраться им в кучу или рассеяться... И только резеда по-прежнему одуряюще кружит голову, не сдаётся.

Я ловлю себя на том, что делаю круг за кругом около отметки нулевого километра. Будто пытаюсь начать заново отмерять какой-то неведомый путь – и сбиваюсь, сбиваюсь... Откуда? Куда? Зачем?.. Вечные вопросы, самые простые... И за малым исключением – безответные...

Театральные афиши истрепал ветер времён. Нашим актёрам афиши не нужны

Меньше всего мне хотелось бы сейчас идти домой, но именно это я и сделал. Я никогда не включаю свет, шагнув в прихожую, в какое бы время ни появлялся здесь, – сначала захожу в комнату, осматриваюсь. Что я там намереваюсь обнаружить каждый раз – не знаю. Сегодня благодаря этой привычке я не разбудил её. Она раскинулась поперёк нашей лежанки, нагая, хрупкая и удивительно бледная в последнем свете умирающего дня. У меня перехватило дыхание от радости и горя, накативших одновременно. Так, очевидно, обретают уже ставшую безнадёжной потерю. И тут же теряют вновь.

Стараясь двигаться бесшумно, я вышел за дверь. Я не мог сейчас оставаться с ней, не мог ни будить, ни прикасаться, ни даже обмолвиться словом. Ведь я только что был с той, другой, так похожей на неё и так не похожей...

И вот я снова у нулевого километра, будто нет в моём городе другого места, другого пути, будто нет у меня выбора.

Занавес. Всё как в театре: короткая пьеса – и целая жизнь. Но здесь театр абсурда – жизнь пролетела в мгновение, её разглядеть не удалось. А что в антракте? Рюмка коньяка в верхнем буфете? Двое-трое знакомых, подчёркнуто гордо кивающих: видишь, и мы – театралы? Нет, не вспоминается ничего. Не было никакого антракта... Не было ни следочка в квартире, ни вмятинки на покрывале, ни запаха духов, которые обычно неделю жили после её ухода.

Утро. Контора. Мария Сергеевна. Звонок по межгороду. В трубке жуткий треск, эфирные помехи, непонятные голоса, звучащие на нескольких языках.

– Алло! Алло! – кричу я в микрофон и вопросительно смотрю на начальницу. В ответ она машет рукой, что означает: это тебя, тебя.

А сквозь толщу голосов пробивается испанский.

– А я вас не слышу совсем, – кричу в ответ.

Это же её голос, чёрт возьми! Но почему по-испански? И при чём тут движение?

– Ты на улице, что ли? Зайди в помещение!

И всё. Тишина.

И вообще – всё.

Я несколько раз порывался заговорить с начальницей, но что я мог сказать, о чём спросить... ещё раз задать вопрос, где и по какому поводу обретаётся она? И получить известный заранее ответ...

Спустя несколько дней Мария Сергеевна заговорила сама.

– А почему ты (она подчеркнула – ты!) не хочешь задуматься однажды, что у неё, к примеру, богатый покровитель, который позволяет ей бродить по белу свету, где и когда вздумается? Нет, это я так, навскидку, на самом-то деле я ничего не знаю, да и знать не хочу, если честно. Мне поступило распоряжение – не трогать её и не обращать на неё внимания. Вот и всё, что я могу тебе поведать...

Как бы не так! Знала она куда больше! Но что толку, когда мне дали понять: с тебя хватит. Да, с меня хватит! Того, этого, прожитых лет, впечатлений и любовей... С меня хватит! Я сейчас напоминаю себе путника, который вышел в

дорогу с изрядным багажом. И вот я шёл, шёл, постепенно оставляя на этом своём пути одно, другое, пятое, десятое... Пока не добрался до пункта назначения, определённого мне кем-то, кого трудно назвать союзником. Ни нитки на мне, ни тринки со мной, даже жильё, принявшее меня на исходе, чужое, случайное, пустое.

Но как же быть с великим благом, именуемым одним, но очень важным словом – временное! И наплевать, в каком месте филологический подсказчик поставит ударение. Временное! Время во мне, со мной, вокруг меня и рядом. Да оно во мне так же, как я в нём! Время...

Я ни с кем не хотел ни видиться, ни разговаривать. Только с ней. Да где же она? И я опять разговаривал с ней – без неё.

– Увы, годы не приносят опыта любви. Любовных отношений – да, но это совсем другое. Я и сегодня могу смутить молодую девушку, могу даже при определённых стараниях влюбить в себя, но нынче получается так, что смущён я сам. Как просто всё было в прошедшие годы, как трудно и сложно сейчас! Самое главное – сердце не сдаётся, голова не подчиняется расчёту и разуму, и я не знаю, что со всем этим делать. Надо как-то облегчить дыхание, что-то предпринять... Твоя мятущаяся душа вряд ли когда обретёт покой, по себе знаю, только не ведаю, что с этим можно поделаться. Легко сказать: влюбиться окончательно и на всю оставшуюся жизнь. А прийти к этому в жизни вряд ли возможно. Не знаю, ничего не знаю, и чем дольше живу, тем знаю всё меньше и меньше... Я представляю картинку, как мы с тобой на пару взяли и смылись ото всех – уехали в тайгу, или в другое малознакомое место. Избушка, маленькое хозяйство – и мы с тобой. Наверно, пришлось бы некоторое время привыкать друг к другу... Не знаю, трудно представить волков-одиночек в компании друг с другом. Хотя картинка желанная, я её вижу... как сказочную реальность. Я не один раз оказывался в подобных состояниях, воспринимая окружающее как сказку...

– ...Птичка моя златокрылая! Что молчишь? Мне не хватает тебя. А-а! Ты же должна приехать... А вдруг меня не будет? А вдруг я уеду в романтическое путешествие, к примеру, в Павловск, за грибами. Скучно жить на белом свете, господа! И вообще – пушусь в разгул. Я уже, можно сказать, пустился: пью и гуляю. У меня, как ты не успела заметить, день рождения был давеча. А не ты ли как-то мне напомнила, что день рождения празднуют две недели после главной даты, по числу месяцев в году. Я прилежный ученик, всё запоминаю с первого раза. А выводы... выводы есть, – решений нет. Вывод первый: у меня есть хороший человек в некоем месте, которое я никак не могу отследить. Я могу с ним разговаривать без натуги. Второй вывод: этот человек – женщина. И третий: она мне нравится. И нравится настолько, что я притрагиваюсь к ней, как к тонкому хрустальному цветку, – не сломать бы, не повредить.

– Наши отношения и чувства я не берусь оценивать и обозначать – всё будет не слишком точно... и верно лишь отчасти. Но то, что судьба нас свела – это не напрасно. Я, наверно, не очень смелый человек, я боюсь своих болячек, своего вибрирующего на какой-то тонкой грани организма – он меня подво-

дил уже не раз. Потому вряд ли когда решусь хотя бы малой долей взвалить ответственность за себя на кого бы то ни было. Но это всё ерунда по сравнению с тем, как тает во мне лёд в твоём присутствии, как оживает душа и растягивается в улыбке рот...

– ...Меня бы обрадовало твоё письмо, настоящее, с ароматом чистого тела и быстрой реки. Я чувствую себя усталым... и не могу тебе высказать всего, что на душе. А там кипит! А там взрывается!.. Вечер сгущается, а я будто вне времени... Кажется, я чувствую твою кожу под своими ладонями. Мне иногда только воздухом подышать одним с тобой – и достаточно. Хотя... Сегодня день семьи, верности, ещё чего-то в этом духе. Всё – мимо меня. Может, хоть к тебе имеет (будет иметь!) какое-нибудь отношение... Дай бог... У нас вчера дождь лил целые сутки, иногда переходил в обвальную ливень... Смотрю вокруг – и мне кажется – молодые сегодня успешно избавляются от любви, этого наваждения. А мы (читай – я!) – всего лишь старые дураки-романтики. Хотя остаётся непонятным, что же хуже...

– ...У меня времени нет, как нет и «потом», у меня всё «сейчас». Ты ещё достаточно молода, чтобы иметь в запасе время на «потом». О предназначении женщины и её случайных ролях я бы поговорил с тобой, если б этот разговор состоялся хотя бы лет тридцать назад. Сегодня всё иначе! Женщина... Бесполое создание с внешностью Венеры! Вот так я вижу всё это, дорогая! А цветы на пепелище и прочая романтика – из области беллетристики. Кстати, в прошлые жизни я верю. Мне сказали, что я редкий экземпляр – проживаю сейчас одиннадцатую. По-моему, я уже говорил об этом. В бессмертие души верю, но как-то не очень. Я думаю, оставив брэнное тело, она не самостоятельно путешествует, а переселяется в другое «нечто». И тогда уже она вроде бы и не моя душа. Здесь у меня много сомнений...

Пролетела неделя, другая. Однажды я пришёл на работу и увидел начальницу за её столом.

– Здравствуйте!..

Может, пора прощаться со сказочным городом, со сказочными цветами и сказочными звуками... Только не со сказкой! Прошу вас!..

Продолжение фразы застряло у меня на языке. Это была не Мария Сергеевна. Незнакомая девушка, удивительно похожая на неё. И, разумеется, на НЕЁ. Некое промежуточное создание между той и этой. Волосы чуть темнее, чем у начальницы, но светлее, чем у неё; скулы выдаются чуть больше, чем у неё, но меньше, чем у Марии Сергеевны; фигуры, насколько можно разглядеть из-за стола, схожи. Глаза... Я всмотрелся в них... и был потрясён их обсидиановым блеском.

– Это наша новая работница, – объявила вошедшая следом за мной Мария Сергеевна.

Она назвала имя, но я тут же забыл его. И не стал расспрашивать, уверовавший вдруг, что её, той, уже никогда здесь не будет. И нет смысла задавать вопросы, и ни к чему поминать вслух её имя. Забыть. Не было – как не было до сего дня всех моих долгих лет. И принести цветы к нулевому километру.

Легко сказать... Шли дни – и я всё больше понимал, что продолжаю любить её, и от этой любви мне никуда не убежать. Но что удивительнее всего, по-моему, я люблю её в той, кто занял чужое место – за прежним рабочим столом, но в новом облике. Люблю, когда она (как раньше! как тогда! как она!) идёт по левую руку от меня к неистово пахнущей резеде. Люблю – в наших ежедневных встречах со знаком, указывающим на вечное начало. Я уже не помню, ждал ли я того дня, когда мы вместе переступим порог моего съёмного жилья, подкарауливал ли ту случайность, которая приведёт нас в бассейн к моему другу. Может, ждал, а может, и нет. Ведь для меня почти ничего не изменилось. Но как это, оказывается, бывает много – маленькое-маленькое «почти»!

– Мне не хватает некоего сказочного города, где бы мы оказались вдруг, где не было бы ни одного знакомого лица. Я знаю, что через него, через этот город, не раз пролетало перо моей судьбы... так, по нечаянности. А ты в абрисе города-сказки осталась для меня некой фата-морганой, мечтой в тумане и девочкой в тёплом вечере. Хорошо, честное слово! В общем, я застаю в сентябре, снова праздную свой день рождения и думаю, что ты надолго останешься со мной...

– Я тоже люблю сентябрь. Но мне в сентябре иногда бывает настолько же плохо, насколько хорошо. Сейчас как раз такой сентябрь. Эмоциональные качели. Не знаю, отчего это, что это?.. Осень, ощущение уходящего лета и неизбежность зимы... Есть теория, что ближе ко дню рождения у человека нарастает напряжение, завершается какой-то очередной цикл, а потом всё начинается заново. Может, это так и есть, тогда не удивительно, что наши сентябрьские ощущения схожи. Вы меня не знаете, у вас есть какой-то образ, который вам нравится. Он не соответствует реальности, уверяю вас. Но, пока он не разрушится, выкинуть из головы вы меня не сможете.

– Всё так, всё правильно, только у правильности мало красивых одежд. Она почти всегда голая. Да, со временем приходит потребность называть вещи простыми именами. Только не надо впадать в заблуждение, что это – от приобретённой мудрости. Ерунда! Издержки возраста, возрастной лени, возрастного слабоумия... Мы потому и говорим друг с другом, испытывая наслаждение (я, во всяком случае), что отголоски главного пока что заменяют это самое главное, вернее, выступают в роли наместников. Ждать и надеяться – это почти синонимы. Никто не ждёт без надежды, иное – лукавство. Можно не дожидаться, это другое дело. Фокус в том, что ожидание чего-то уже что-то и есть.

– Я с удивлением для себя обнаруживаю, как похожи наши взгляды на мир. И это приятно. Я понимаю всё, о чём вы говорите... во всяком случае, так мне кажется. И я тоже считаю, что ожидание – уже есть что-то, что мы живём ощущениями, пытаемся поймать отголоски...

– Я люблю тебя, девочка! А это значит, что ты свободна ото всего, что касается меня. Таковы законы любви – жертвовать. К сожалению, слова всё делают

не просто неточным, но и неправильным. А!.. Я совсем забыл, что слово «любовь» требует особенной подготовки, ситуации... Что его нельзя произносить всуе... У меня свои законы, я – сильный. Я переживу. Но во всей этой ситуации мне хотелось бы больше всего думать о тебе, не навредить тебе, не ранить. Ты просто скажи себе: вот он, старый маразматик, ищущий приключений напоследок... Ну и что-нибудь в таком роде... Это не помешает мне нежно прикоснуться к тебе.

– Я не хочу, чтобы вам приходилось что-то переживать... и без этого, наверное, многое пережили. Но, похоже, от меня ничего не зависит. Я ценю свободу, которую вы предлагаете, и, пожалуй, воспользуюсь ею. Не воспользоваться – у меня не хватит сил. Не хочу обманывать вас, вы заслуживаете счастья. Я не могу, не знаю, как ответить на ваше признание в любви. И ещё меня расстраивает, что я делаю вам больно, возможно, каждым своим словом. Берегите сердце от мыслей, которые вас удручают. И не называйте себя старым маразматиком, это ведь полная чушь...

Голова раскалывается. Природа творит чудеса. День ото дня вокруг становится всё красивее и печальнее.

Однажды мы всё-таки дошли до моей ночлежки. По дороге купили пиво и сыр «Дорблю». Я настаивал на красном вине и козьем сыре, дорогом, между прочим, но она потребовала пиво и сыр с плесенью. Пытаясь найти хоть какое-то объяснение в глазах моей спутницы, я обеими руками развернул её лицом к себе и увидел небывалое: в несколько мгновений стылая вулканическая бездна сменилась ртутным отливом предзакатного моря, а тот перешёл в яркую голубизну памирского лазурита. Всё так знакомо – и всё непонятно чьё.

Когда мы расположились за столом, на меня вдруг нашёл какой-то ступор – не знал, о чём говорить. Вроде уже многое сказано – а в жизни ничего не происходит, не меняется. И тогда я сказал, не придумав ничего другого, что скоро будет день, который называется «Международным днём борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин».

– Не знала, что есть такой праздник, как борьба с насилием в отношении женщин, – усмехнулась она. – Интересно, кто его придумал? Состоявшиеся или потенциальные жертвы?

– Наверно, это не совсем праздник, – сказал я. – А придумать его могли сами насильники, не обязательно жертвы. Во всяком случае, меня бы это не удивило.

Мы сели за стол. Пока я разливал пиво по стаканам, она крошила сыр. Резать его не всегда получается. Первый глоток, кусочек сыра – и первое разочарование: пиво оказалось сладковатым, сыр чересчур горчил. Пауза затянулась, надо было о чём-то говорить, и я решил продолжить наш недавний разговор. Или это была переписка по электронной почте? Что-то в последнее время я всё путаю...

– Увы, я не по годам влюбчив. Это совсем не значит, что я создан, как заводная игрушка на определённую тему... Порой я боюсь себя, потому что не знаю, как со всем этим справиться. А ещё – я старый романтик, и это непростительно.

– Думаете, я себя не боюсь? Страшнее, чем ты сам, ничего не существует. Я – натуральное чудовище... Только вы не подумайте, будто мне что-то от вас надо. Я живу очень обособленно, уединённо, я сама романтик, а все мои внешние проявления – это своего рода крик в пустыне. Ну нравится мне орать...

– Не стоит отказываться ни от себя, ни от чего-то своего... Впрочем, ты орёшь в своей пустыне, я – в своей.

– Я не всегда ору в своей пустыне. Большею частью я просто там молчу. И живу.

– Чёртова ситуация! – взорвало меня. – Мы в каком-то невообразимом тупике... я, во всяком случае. Спроси, чего я хочу... Отвечу с возможной прямо-той – не знаю. Вроде хочу поболтать с тобой, но не всегда знаю – о чём именно. Интересно, получилось бы у нас просто поцеловаться?.. Наверно, ты отнесёшь это к области «кому-то опять что-то надо»...

Не попробовав – не вкусишь. Не хотелось бы, чтоб расплавленная магма пролилась на какую-нибудь невинную Помпею

– Иногда я жалею, что родилась в женском теле... Просто поцеловаться? Я не знаю, что ответить. На этот вопрос есть два ответа: либо «да», либо «нет», но я пока не вижу никаких дополнительных факторов. Или я чего-то не понимаю.

– Просто поцеловаться... А мне нравится как раз то, что может последовать за этим (или не последовать, эка печаль!). Твою нежную душу, в какой пергамент ты её ни заворачивай, разглядеть не так уж трудно. И не потому, что она вся на виду, просто она вопиет о том, что её гложет. Слова... Я уже говорил, по-моему, – они словами и остаются. Что касается земного пути, он действительно малоинтересен. Но вот есть же пара моих любимых речек... и одна гора на Алтае. Вот только людей, к сожалению, совсем не осталось, ради кого стоило бы находиться здесь. Да и что они, люди... Они вообще неинтересны. Даже самим себе. И многие даже не подозревают об этом... Я никогда не думал о последствиях, о результате или вообще о чём-либо подобном. Отношений или «продолжений» не боялся и не боюсь, напротив, всегда стремился к ним. И это не огонь коллекционера, это попытка раскрасить ту самую постылую обыденность, или – если хочешь – назови её жизнью. Я не разочарованный мальчик, я голодный пёс. Но что-то странное в мире происходит. Очевидно – в моём мире. Я никогда ещё столь сильно не хотел не жить. Никогда не было так плоско вокруг, так замылено и плохо протёрто...

Я напрягся, наблюдая, как она медленно расстёгивает кофту, стягивает один рукав, другой... Увиденное изумляет меня, и с каждым последующим её движением изумление растёт. Все руки у неё, открытые теперь майкой-безрукавкой, испещрены шрамами. Можно поначалу подумать, будто она побывала в какой-то аварии, где её исполосовало битым стеклом. Но нет, все жуткие отметины расположены строго поперёк руки, так обычно режут сами себя. И вполне объяснимо, когда область запястий... Чувствительные девушки пытаются вскрыть себе вены, некоторым это удаётся. Но у неё всё изрезано – запя-

стья, предплечья, плечи... У меня перехватило дыхание и запершило в горле.

– Очень жалею, – продолжила она как ни в чём не бывало, – что бог дал мне такую ранимую душу, хотя временами она не такая уж и ранимая, как кажется... А шрамы я очень люблю, считаю их лучшим украшением... И как же не вопить о том, что гложет? Между прочим, мне нравятся слова и их смысл... в них можно вложить душу, словами можно объяснить то, что, казалось бы, объяснить нельзя. А ещё люблю цифры... Мне кажется, они лучше слов могут объяснить необъяснимое... но, увы, с математикой у нас непонимание. Я никогда не была в горах, к рекам у меня настороженное отношение (не люблю воду, у нас затяжной конфликт). Нет, обыденность назвать жизнью я бы не решилась, уж слишком они разные. Я никогда не ценила жизнь, были случаи, когда меня спасали, но благодарности не могли дожидаться. А почему у вас всё так плоско и замылено? Замыленное сначала надо хорошенько промыть, а потом уже протирать.

– С помощью тряпочки не прорвёшься к ясному дню. Мы все живём в обособленном мире, что лично я считаю вполне нормальным. Но для того, чтобы оценить эту манеру жития, способ существования, необходимо изредка проклёвывать свою скорлупу. А что это там, снаружи?.. Всё та же мерзость... Полезли обратно!

– Что ж, приходится жить в собственном мире, но я уверена, что мир, который вокруг – он лучше. У кого-то скорлупа, у кого-то необитаемый остров... и вечная надежда, что кто-нибудь приплывёт и спасёт от одиночества или разделит его на много-много мелких кусочков, чтобы уже нельзя было собрать и склеить обратно, но не приходит в голову уплыть с этого острова в неизвестность... Вы по ночам спите?

– По-разному, это не важно... Думаю, ты совсем другая... Скажем, больше похожая на меня... какой-то немотивированной жестокостью к себе. И как это так – человек может быть интересен жестокостью?.. Не знаю. Я многого не знаю. И не собираюсь жалеть об этом, раскаиваться или разочаровываться. Мне, может, и интересно покуда в этой гнусной атмосфере, потому что я незнайка! Моя маленькая коробочка – стул, стол с компом, пол-окошка – чересчур часто закрыта для всяческого проникновения. Голова и сердце часто дополняют названный интерьер и ведут себя соответствующим образом. Странно, чем больше хочется замкнуть мир на самого себя, тем сильнее тяга к таким... как ты. Неосознанная, впрочем.

– Без таблеток я засыпаю часов в семь или восемь утра, а от таблеток я по утрам не очень вменяемая... как зомби, только миролюбивое. Иногда я даже разговаривать не могу. Не хотелось, чтобы кто-то меня видел в таком состоянии, но что поделаешь...

– Мы ушли от начальной темы разговора далеко в сторону. Я не знаток отношений полов, но предполагаю, что за нашей вероятной близостью может последовать самая пёстрая гамма чувств – разочарование, возмущение, неловкость, даже злость. Или вообще – пустота. Честное слово, не было задачи вот так взять и завоевать тебя, тем более что я давно уже понял: завоевать невозможно ни так, ни эдак. Завоёванный человек рано или поздно становится врагом – это аксиома. Лучше сотрудничество, договор, сговор... Чёрт знает что

у меня творится в голове, часто я не могу дать себе отчёт в этом. Что касается нас с тобой...

И тут меня словно накрыло лавиной тумана. Нечто плотное, осязаемое заполнило всю комнату и стало проникать внутрь моего тела, путая мысли настолько, что я почувствовал, будто некто говорит за меня, а меня тут нет вообще, мной представляется отделившаяся от моего существа непонятная субстанция.

В этом тумане, скорее напоминавшем липкую вату, она надевала свою кофточку, снимала со спинки стула сумочку, перемещалась к двери... Последнее – взмах руки и странный взгляд, растаявший в тумане. Я сидел, будто парализованный, не в силах ни пошевелиться, ни промолвить слово.

На другой день на работе не было ни её, ни начальницы. На следующий – то же самое. На третий ноги сами привели меня к оздоровительному центру моего приятеля. Странно, на входе не оказалось дежурного. И в коридоре никто мне не встретился, только в конце его через приоткрытую дверь пробивался свет. Там кабинет моего приятеля, – очевидно, тот на месте. Что-то подтолкнуло меня, и я, не дойдя до его двери, повернул в сторону сауны и бассейна. И в баре никого, и в комнате отдыха, а вот за её стеной – голоса. Я слегка приоткрыл дверь, ведущую в бассейн, и обмер от неожиданности: в зеленоватой от специальной подсветки воде плескались трое.

Это были они! Никакого сомнения! Их сейчас невозможно было спутать, хотя сколько уж раз со мной случалось подобное, когда я видел их порознь. Что же это такое? Зачем они сошлись? Как это вообще могло произойти? Да и в реальном ли измерении я нахожусь?.. Почему всё-таки я решил, что это не одна из них в трёх лицах?..

Их нагота открывала абсолютно одинаковые фигуры, мокрые волосы было не различить по цвету, как и глаза, да и отличия в лицах не просто разглядеть. Зато хорошо видны шрамы! У всех троих – одинаковые: на плечах, предплечьях, запястьях... А ещё я увидел, похолодев, такие же страшные отметины на груди, на бёдрах, по всему телу... В силу какой же такой причины можно этак истязать себя? Это противно разуму, противно всему сущему и даже выдуманному! Я смотрел на них заворожённо, а они резвились и хохотали, как и положено юным купальщицам в подобном месте...

Боже мой! Ещё и это свалилось на мою голову, в которой без того давно уже царит беспорядок... Войти или остаться? Войти! Остаться! Войти!.. И что?..

Я прикрыл двери и направился к выходу, так никого и не встретив по пути...

Мы подошли к концу истории и началу повести

Мы больше не виделись. Сначала, как объяснила начальница, она заболела. Потом, по истечении нескольких дней, Мария Сергеевна сказала:

– Она уехала в командировку. – И добавила: – Мы с тобой можем отправиться туда, где нам двоим было хорошо. Прямо сейчас.

Я промолчал... и только подумал: ключевое слово – «было».

И тут меня обуял страх. Нет, это был не просто страх – в меня вторгся

самый настоящий ужас! Я вдруг подумал, что пройдёт совсем немного времени – и обязательно явится четвёртая! Но и тем дело не кончится – я обречён, я приговорён!

И это не важно, что я давно уже решил расстаться с вами, что ежедневно, ежечасно посылаю вам вослед:

– Принеси им, Господи, удачу... и избавь от новых украшений в виде шрамов!

Нет ничего забавнее самой жизни. Лучше её, заковыристей... Хочу человека. Чтобы не путался под ногами и был рядом, не утверждался и был самим собой, не кричал и был убедительным. И любил бы себя. Меня – не надо, мне хватит любви, оставшейся от любви к себе, к ней, к тебе... Отражённый свет всегда «правильнее» прямого.

Привычное место – отметка нулевого километра. Я пришёл сюда один. И не знаю, куда мне идти дальше. Честное слово, не знаю! Не станешь же спрашивать встречных-поперечных, в какой стороне мой дом, в какую сторону мне надо... Сочтут за сумасшедшего.